

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/205-216

Научная статья

© Г. Ю. Ситнянский

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ В КИРГИЗИИ

В последние примерно 10–15 лет усилились тенденции к радикальной исламизации Киргизстана, хотя пока больше ей пока подвержены не столько киргизы, сколько узбеки и уйгуры. Однако и среди киргизов процесс набирает силу. Причин тому несколько: социально-экономические проблемы, недостаточная работа с населением традиционных исламских структур, процесс перетока с юга на север, применительно к Киргизстану выражающийся в отъезде европейского населения и притоке приезжих из более южных государств, в том числе и носителей радикального ислама. Среди последних наиболее активны выходцы из Пакистана, но действуют также миссионеры из стран Персидского залива и Турции. Помимо всего прочего, с радикальными исламистами начали активно сотрудничать многие политические партии Киргизстана, некоторые из которых прямо призывают к отмене конституционной нормы о светском характере киргизского государства. Также недостаточно работают с титульным населением Киргизстана и христианские религиозные структуры, либо из-за нежелания вести работу (православные), либо из-за негативного отношения властей (протестанты). В последнем случае, надо указать на некоторые законы Киргизстана, бьющие не по исламским радикалам, на борьбу с которыми они вроде бы направлены, а как раз по тем, кто мог бы им противостоять. Тем не менее, ситуация пока представляется не безнадёжной и могущей быть исправленной.

Ключевые слова: Радикально-исламские организации, исламизация Киргизстана, опасность, позиция государства

Ссылка при цитировании: Ситнянский Г. Ю. Радикальный ислам в Киргизии // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 205–216.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/205-216

Original Article

© Georgy Sitnyansky

RADICAL ISLAM IN KYRGYZSTAN

In the last approximately 10–15 years or so, the tendencies towards radical Islamization of Kyrgyzstan have intensified, although it is not so much the Kyrgyz as the Uzbeks and Uighurs who are more susceptible to it. However, the process is gain-

Ситнянский Георгий Юрьевич — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. почта: sitnyan@mail.ru

* Работа выполнена в рамках плана НИР Института этнологии и антропологии РАН.

ing momentum among the Kyrgyz as well. There are several reasons for this: socio-economic problems, insufficient work with the population of traditional Islamic structures, the process of flow from the south to the north, in relation to Kyrgyzstan, expressed in the departure of the European population and the influx of visitors from more southern states, including carriers of radical Islam. Among the latter, immigrants from Pakistan are the most active, but missionaries from the Persian Gulf and Turkey are active too. Among other things, many political parties of Kyrgyzstan, some of which directly call for the abolition of the constitutional norm on the secular nature of the Kyrgyz state, have begun to actively cooperate with radical Islamists. Christian religious structures also do not work enough with the titular population of Kyrgyzstan, either because of unwillingness to work (Orthodox), or because of the negative attitude of the authorities (Protestants). In the latter case, it is necessary to point out some laws of Kyrgyzstan that do not strike at Islamic radicals, against whom they seem to be aimed, but just at those who could resist them. Nevertheless, the situation does not seem hopeless yet and can be corrected.

Keywords: *Radical Islamic organizations, Islamization of Kyrgyzstan, danger, the position of the state*

Author Info: Sitnyansky, Georgy Yu. — Ph.D., Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail sitnyan@mail.ru

For citation: Sitnyansky, G. Yu. 2024. Radical Islam in Kyrgyzstan. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 205–216.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Мне уже приходилось писать о том, какую угрозу евразийскому единству народов несёт распространение радикального ислама на входящие в это единство Казахстан и Киргизстан (Ситнянский 1997). С тех пор ситуация в Киргизстане заметно обострилась. Тревогу многие авторы начали бить уже лет пять–десять назад.

Так, Е. Иващенко в 2018 г. писал: «На улицах всё больше женщин, закрывающих лицо, и всё больше магазинов, закрывающих торговлю сигаретами и алкоголем из религиозных соображений», в первую очередь на Юге (Иващенко 2018). А в узбекском кафе в Оше официант на просьбу принести водку запросто может ответить испуганно: «Хозяин запретил продавать! Харам! Грех!» (Асламова 2017).

По улицам городов ходит множество мужчин в мусульманских костюмах камис (пришли в Среднюю Азию из Пакистана; сам видел таких на улицах Бишкека ещё осенью 2007 г., но тогда таких было немного — Г. С.). А вот слова ещё одного ошского киргиза: «У киргизов раньше был такой обычай: пока отец живой, сын не может бороду отпускать, а сейчас полно бородатых киргизов и узбеков. Мечети платят тем мужьям, которые одевают своих жен в хиджабы и бурки» (Асламова 2017). Мы ещё увидим, из каких денег они платят. А в Бишкеке появился мусульманский пансион для девушек, из которых готовят «покладистых жён».

Мечетей стало больше, чем школ: в 2017 г. в республике школ было 2262, а мечетей — 2647 (в 1990 г. было 39) и 107 медресе. Охват дошкольным образованием в 2018 г. достиг лишь 24%, обеспеченность же доступа к мечетям намного лучше. Можно также сравнить количество медресе и вузов. Последних — 56, из них не все

светские: имеются 7 исламских институтов и исламский университет, в июле 2017 г. получивший государственную лицензию. В Киргизском государственном университете, светском учреждении, создан теологический колледж, в июне 2018 г. там состоялся первый выпуск. А школы — все ли светские? Уже в начале 2000-х гг. муллы просили разрешить обучать детей чтению и математике в мечетях, аргументируя это тем, что в школах обучение платное, и не все могут себе его позволить. Лет через 5–7 работники мечетей стали говорить, что им надо отдать и другие школьные предметы (Иващенко 2018; Самойлов 2021; Сапрынская 2021).

Активное распространение с начала 1990-х и до переворота в Турции в 2016 г. получили гюленовские (турецкие) школы (после их прикрыли, возможно, потому, что Гюлен был противником Эрдогана — Г. С.), активны последователи суфийского ордена Сулеймания и другие протюркские и происламские объединения (Сапрынская 2021). Местные жители также отправляются за религиозным образованием в Египет, Саудовскую Аравию, Пакистан и Бангладеш (Гальдини 2015). Родители предпочитают отдавать детей в местные медресе, но наиболее способные, по рекомендации своих духовных наставников, в дальнейшем направляются в подконтрольные исламским радикалам учебные центры (марказы) Пакистана, Индии, Бангладеш и других государств.

Да, многие преподаватели этих марказов не призывают своих подопечных к открытому противостоянию с властями своих стран, могут и демонстративно осуждать действия различных исламских радикалов, что, в свою очередь, позволяет ученикам считать правильным решение о получении образования именно здесь. Но основное содержание учебной программы направлено на формирование мнения об ошибочности ведения светского образа жизни и важности полного посвящения своей дальнейшей судьбы служению во имя Аллаха (Радикальный ислам 2014).

Большую популярность получила, в первую очередь среди узбеков Киргизстана, организация «Хизб ут-Тахрир аль-ислами» (далее — «ХуТ», создана в 1953 г. в Иордании). На территории бывшего СССР она появилась первоначально в Узбекистане: в 1992–1994 гг. её отделения возникли в Ташкенте и ряде городов Ферганской долины, а в 1998–2000 гг., при поддержке из Узбекистана, в Южном Киргизстане (Бабаджанов 2001: 253–169; Мухаббатов 2004: 24–26). При этом большую роль в распространении «ХуТ» в Киргизстане играют активисты, сбежавшие от преследований в Узбекистане (Ботобеков 2001: 129–152). По данным Госдепартамента США, к 2008 г. численность организации выросла до 15 тыс. человек, а к концу 2010 г., по данным экспертов — до 20 тыс. (цит. по: Сыроежкин 2011; Шустов 2010).

Поскольку по крайней мере до 2013 г. не было доказано участие «ХуТ» в терактах, а сама организация демонстративно отвергает насилие (Мухаббатов 2004: 50), так что многие не считали её экстремистской. Так, Госдепартамент США в 2004 г. квалифицировал «ХуТ» как «действующую ненасильственными методами», хотя и «способствующую распространению экстремистских настроений среди мусульман» и «потенциально способную оказывать идеологическую поддержку терроризму» организацию (U.S. Department 2004).

Как же в реальности обстоят дела с «непризнанием насилия»? Чтобы это уяснить, прежде всего, необходимо понять, чего они добиваются.

«ХуТ» рассматривает все страны Мира Ислама как «одну державу», остальные же страны объявлены «странами неверных» и потенциально — «странами войны». С ними можно иметь мирные отношения, заключать торговые и иные соглашения,

«не противоречащие исламу». Но есть страны, с которыми даже это невозможно, с ними — «вечная война» (США, Великобритания, Франция, Израиль, Россия). Список неполный: в документах ХуТ называются «такие, как /США... Израиль... Россия.../». При этом мусульманским государствам, согласно доктрине ХуТ, нельзя получать какую-либо помощь (особенно военную) у «неверных», вступать в ООН, Всемирный Банк и даже в Лигу арабских государств и Организацию Исламская конференция, поскольку они основаны на «противоречащих исламу установках» (Моисеев, Тяпкин 2013: 24–26).

ХуТ считает все нынешние правительства мира, включая мусульманские, «неправильными», со времён прекращения власти «праведных халифов» (632–661 гг.) (Мухаббатов 2004: 119); соответственно, своей задачей они полагают восстановление «всемирного исламского халифата» как теократического государства, объединяющего весь мусульманский мир (Что известно 2015).

Как же этого предполагается добиться? Вроде бы ненасильственными методами, путём «бескровного переворота» («нусра»), при поддержке, однако, неких «военизированных групп». Разрешается «проводить джихад в землях с мусульманским большинством либо в землях, когда-то принадлежавших мусульманским государствам» (Егоров 2017).

Заставляет усомниться в мирном характере «ХуТ» и иерархическая её организация с жёстким вертикальным подчинением. При этом есть и «два учения»: первое — для пропаганды, рассчитанной на широкие массы (включая рядовых ХуТовцев) и предназначенной для создания имиджа «исламского радикализма с человеческим лицом»; вероятно, оно и вводит многих в заблуждение. И второе учение — скрытое, для внутреннего пользования. Оно содержит подлинные сведения в том числе и о целях (Хизб ут-Тахрир 2023).

И вот в Киргизстане в Бишкеке и Арстанбапе (Джалал-Абадская область) ещё в начале 2000-х гг. обнаружили у задержанных членов «ХуТ» оружие, включая гранаты и винтовки (Моисеев, Тяпкин 2013). В последнее же время такие сообщения идут чередой. В начале октября 2022 г. пресечена деятельность ячейки «ХуТ» в Бишкеке, задержаны семь человек. В марте 2023 г. выявлено подпольное «женское крыло» «ХуТ» (В Киргизии 2023). Вообще, для женщин ХуТовцы создают специальные центры: хотя предел карьеры женщины в ХуТ — это должность «мусаида» (районного руководителя), им уделяется внимание как воспитателям детей в соответствующем духе (Моисеев, Тяпкин 2013: 13; Мухаббатов 2004: 36). Кроме того, демонстрации в защиту «невинно осуждённых» ХуТовцев в Южной Киргизии и Таджикистане уже в 2001–2002 гг. часто начинали женщины — в расчёте на то, что их не станут разгонять так жёстко, как мужчин (Мухаббатов 2004: 49).

Отметим, что и относительная слабость у киргизов ислама способствует распространению в стране радикально-исламских настроений. По моим собственным наблюдениям, больше внимания в плане борьбы с религиозным экстремизмом власти уделяют районам с преобладанием узбеков. Так, в с. Базар-Курган в 2000 г. милиция разогнала мальчиков-послушников при вполне традиционной мечети, а вот в г. Таш-Кумыр (оба населённых пункта — Джалал-Абадская область), где преобладают киргизы, местному мулле (таджику) сходили с рук весьма экстремистские проповеди (полевые материалы автора 2000 г.). А в Бишкеке ещё в 2010 г. легально действовало представительство «ХуТ» (Радикальный ислам 2010).

В целом, по словам богослова С. Камалова количество приверженцев экстремистских и террористических групп, пока не превышает 10–15% мусульман; но и это уже порядка 360 000 человек (Синько 2016).

Другие экстремистские течения «Даваатুল Ислам» и «Ваххабизм» были отмечены на юге Киргизстана ещё в 1995 г., в основном тоже в Ошской области. Там они нашли поддержку, главным образом, среди узбеков.

Ещё одна действующая в Киргизстане радикально-исламская организация — базирующаяся в Райвинде (Пакистан) «Таблиги Джамаат» (далее — «ТД»). Организация возникла примерно сто лет назад, в Киргизстан первые её миссионеры прибыли в начале 1990-х. Вскоре число отделений «ТД» приблизилось к сотне, а число приверженцев — к 30 тыс. Часто «ХуТ» и «ТД» действовали общим фронтом — например, пропагандировали «чистый ислам», «всемирный халифат» и т. д. А молодые киргизстанцы приглашались в Райвинду, где им предлагали пройти военную подготовку (Калишевский 2014).

Некоторые авторы считают, что «Таблиги Джамаат» — это «строго аполитичное движение», стремящееся лишь к «возрождения ислама», для чего их миссионеры — «даватчи» — и проповедуют (Гальдини 2015). Однако так ли это?

В Киргизстане активисты «ТД», адаптируясь к национальным условиям и традициям, меняют как внешний облик (например, отказываются от пакистанской одежды), так и манеру проповеди и вообще поведения. Миссионеры собираются в группы по 10–12 человек и направляются по заранее выбранному маршруту «от двери к двери». Эту практику называют «харудж» («в пути»), ей требуется посвящать 40 дней в году.

Хотя к актам насилия «ТД» отношения вроде бы не имеет, например, французские спецслужбы именуют её «прихожей терроризма». По словам французского исламоведа М. Габорие, их целью является «планомерный захват мира средствами джихада» и установление господства радикального и бескомпромиссного ислама. В 2010 г. «ТД» была запрещена в Киргизстане после рекомендации ОБСЕ (Йакын Инкар 2016), но продолжает действовать нелегально (Радикальный ислам 2014).

Помимо всего прочего, частью деятельности радикалов (включая ИГИЛ) стала вербовка неофитов с последующей отправкой на Ближний Восток (Сапрынская 2021). Есть сведения, что уже на начало 2015 г. из Узбекистана в Сирию и Ирак выехало 500 боевиков, из Туркменистана — 360, из Киргизстана — 350, из Казахстана — 250, из Таджикистана — 190 (Lister 2015). По заявлению Р. Отунбаевой, в феврале 2011 г. «от 200 до 400 молодых киргизстанцев были переправлены в лагерь... на территории Афганистана и Пакистана... для ...подготовки и осуществления терактов» (Сотни молодых 2011). Понятно, что большой опасностью становится возвращение боевиков на родину. По сообщениям СМИ, в Киргизстане в 2019 г. присутствовало порядка 3–5 тысяч боевиков ИГИЛ (Сапрынская 2021). И в самом деле, вербовка, очевидно, была бы невозможна без наличия «спящих ячеек» ИГ. Добавлю, что часто выезд в Сирию и Ирак идет через территорию России, а вербовке подвергаются, в том числе, работающие в России трудовые мигранты (Казанцев 2016).

В феврале 2016 г. пошли сообщения о распространении в Киргизии нового исламского течения, последователи которого не признают технического прогресса, призывают к отказу от образования, современной техники, чтобы «жить как во времена пророка». Речь идёт об отделившейся от «ТД» группе «Йакын инкар» (далее — «ЙИИ»).

В их трактовке ислам отрицает право на существование иных религий. Организация отрицает все светские нормы и законы, включая и нормы Духовного управления мусульман Киргизстана (ДУМК) (Короткова 2022). «Йакын инкар» быстро распространяется по республике с помощью проповеди (даваата). Представители «ЙИ» для распространения своих идей не пользуются современными техническими средствами, поэтому судить об особенностях их деятельности и идеологии достаточно сложно.

Обычные граждане республики пока что относятся к представителям «ЙИ», как к безобидным чудакам (Йакын Инкар 2016), хотя, например, в марте 2018 г. «ЙИ» угрожала взорвать магазин в Бишкеке. В отношении угрожавшего возбудили уголовное дело по статьям «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» и «Хулиганство» — взрывное устройство не было обнаружено. Представители «ЙИ» «засветились» и в январе 2022 г. во время беспорядков в Казахстане, где организация запрещена с 2018 г. (Короткова 2022). В Киргизстане она была запрещена в июле 2017 г.; ещё ранее муфтият запретил им проповеди, что они, впрочем, не признали (В Киргизии 2017).

При этом из-за рубежа исламским радикалам разных направлений идут не только кадры, но и средства на строительство религиозных объектов. На новую мечеть в Бишкеке (открылась 2 сентября 2018 г.), которая стала самой большой в регионе, турецкая сторона выделила 25 млн долларов. На месте нынешней Центральной мечети в Бишкеке также планируется возвести новое здание вместимостью 7000 человек, строить будет компания из Саудовской Аравии. Стоимость строительства самой крупной мечети в Оше, которая была открыта в июне 2012 г., составляла 1,2 млн долларов. Половина суммы была перечислена донорами из Объединенных Арабских Эмиратов, оставшаяся часть — Всемирной Ассамблеей молодёжи (Иващенко 2018). Впрочем, на май 2022 г. там ещё ничего не было сделано в этом направлении (Старую центральную 2022). А племянник У. бен Ладена Абдулла Авад бен Ладен по линии Всемирной ассоциации исламской молодёжи подарил стране 200 мечетей и 30 школ. А проповедуют там совсем не традиционный ислам (Самойлов 2021; Синько 2016).

Поскольку основа демократии — право выбора, в том числе выбора мировоззрения, то она-де «противоречит исламу» (Моисеев, Тяпкин 2013: 23). Так считает «ХуТ», что, однако, не мешает иногда (например, в Таджикистане в 2003 г.) участвовать в выборах при условии «отрицания капиталистической системы» и использования Корана как предвыборной агитации (Мухаббатов 2004: 77–80). Имеются такие факты и в Киргизстане — ещё в 2007 г., во время очередных парламентских выборов, некоторые партии обвинялись в связях с «ХуТ» и в получении от него поддержки, хотя они тогда от этого открестились (полевые материалы автора 2007 г.).

А в 2010 г. публицист А. Ахметшин привёл список киргизских политических партий, которые, по его данным, сотрудничают с исламистами: «Ата-Мекен» О. Текебаева, «Ак-Шумкар» Т. Сариева, Партия зелёных и т. д. К провозглашению Киргизстана мусульманской страной и даже «халифатом» призывают сторонники партий «Эгемен Кыргызстан» («Независимый Киргизстан»), «Акыл эс, рух, ыйман» («Разум, вера, совесть»). Некоторые источники сообщают имена высших офицеров милиции, вплоть до начальников РОВД, которые покровительствуют исламистам или сами являются ими (цит. по: Калишевский 2014).

В настоящее время во властных структурах сформировались и устойчивые группы, лоббирующие практически на всех уровнях власти и интересы «ГД», в том числе

путём продвижения сторонников на влиятельные должности. Об этом, например, свидетельствует факт безоговорочного утверждения 4 марта 2014 г. безальтернативной кандидатуры М. Токтомушева на должность Верховного муфтия. Известный киргизский теолог К. Маликов констатирует: «Курултай [мусульман Киргизстана] ... прошёл как заседание ЦК компартии: все «За», хвалебные речи, реверансы, счастливые улыбки. Не было конкурентности на пост муфтия. Все было уже прописано, назначено и разыграно до курултая». Возможно, что и вновь избранный на курултае председатель Совета улемов Абдушукур Нарматов может иметь отношение к «Таблиги Джамаат».

Имеются и факты массового привлечения в ряды «ТД» военнослужащих пограничных войск. Миссионеры «ТД» свободно посещают погранзаставы Алабукинского, Джалалабадского, Ошского, Хайдаркенского и Баткенского отрядов, в том числе с призывами к осуществлению «дааватов» среди местного населения (Радикальный ислам 2014).

К концу первого десятилетия XXI в., однако, власти Казахстана и Киргизии поняли, что многие проповедники и их паства никаких тёплых чувств к государственной власти не испытывают. Так, президент Киргизии А. Атамбаев в 2014 г. заявил: «Не навязывайте киргизскому народу чужую одежду, язык, традиции!» (Сейидов 2017).

Впрочем, кое-что беспокоит и немалую часть самих адептов радикального ислама, например, то, что исламское воспитание не позволяет женщинам-роженицам ни получать медицинскую помощь от мужчин, ни самим учиться на акушеров (Асламова 2017).

Беспокойство вызывает радикальный ислам и у значительной части традиционного духовенства. Так, в 2017 г. Муфтият Киргизстана провёл аттестацию священнослужителей, при этом более четверти (около 28%) её не прошли (Радикальные верующие 2018). Среди имамов же аттестацию не прошли более 60% — 800 из 1300, а среди директоров религиозных образовательных учреждений — 66 из 71. Тем не менее, большинство не прошедших остались на своих должностях (Синько 2016). Правда, в 2016 г. было закрыто семь медресе.

Особо следует отметить, и не в лучшую сторону, Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», принятый в 2008 г. Он запретил «деятельность религиозных объединений, направленную против основ конституционного строя и безопасности государства и его граждан», «всякое подстрекательство к религиозному экстремизму...». Запрещалось распространение материалов религиозного характера в общественных местах и обход квартир и домов.

Но есть и другие злободневные проблемы. Новый закон запрещал пропаганду нетрадиционных религиозных организаций, прозелитизм (обращение «иноверцев» в свою веру) и частное преподавание религиозных дисциплин. Запрет на прозелитизм — для правового государства, вообще-то, аномалия. К тому же имеют место расплывчатые формулировки: запрещаются «настойчивые действия», направленные на обращение в другую веру, «незаконная деятельность миссионеров». Оба понятия можно трактовать довольно широко... Наконец, создание религиозной организации стало возможным по инициативе не менее 200 граждан, постоянно проживающих на территории страны (по прежнему закону — не менее 10) при наличии не менее 10 региональных отделений (в прежнем законе этого не было). На тот момент этому требованию соответствовало не более 5% из существовавших в стране религиозных объединений.

Добавим, что определённая нетерпимость к другим религиям в стране уже ощущается. Так, осенью 2016 г. в Ала-Букинском районе местные жители и имамы заперщали хоронить свою односельчанку, а потом, когда тело все же было захоронено, потребовали его эксгумации. Они объяснили это тем, что женщина была христианкой (баптисткой) (Иващенко 2018; Калишевский 2014).

В своё время первый президент Киргизстана А. Акаев на жалобы мусульманского духовенства и просьбы ограничить проповедь так называемых нетрадиционных религий ответил: у нас, мол, демократическая страна, запретить мы не можем, если хотите, чтобы ходили к вам, а не к ним, сделайте так, чтобы им интереснее было у вас. Теперь же возобладал принцип, принятый в недемократических, а также в некоторых других, не политических структурах: с конкурентом не состязаются, его устраняют.

При этом декларируемой целью нового закона было... противодействие радикальным исламистским структурам. Но если запрет проповеди деятельности вне храмов и молельных домов, частного преподавания религиозных дисциплин ещё имеют смысл, то запрет обращения верующих других конфессий в свою веру с этой точки зрения — бессмыслица: исламские радикалы — такие же мусульмане-сунниты, как и приверженцы местного ислама, поэтому их деятельность формально прозелитизмом не является. Сомнительными представляются и понятия «традиционные» и «нетрадиционные» религии, нет точного определения первых, что позволяет широко толковать эту норму (Калишевский 2014).

Благоприятной почвой для роста исламских радикалов являются бедность, коррупция, плохое образование, политическая, экономическая, социальная нестабильность. Правда, в 2015 г. Киргизстан занимал по этим показателям отнюдь не самое плохое положение в регионе, но далеко не блестящее, если брать мир в целом (напр., см. Табл. 1, в знаменателях — общее число стран, в которых проводилось исследование).

Весьма характерно, что сторонниками закона оказались киргизские политики типа Турсунбая Бакир уулу, открыто требующего исключить из конституции положение о светском характере государства — это как раз одно из основных требований радикальных исламистов. А вот противниками выступили практически все протестантские организации Киргизстана.

В январе 2012 г. всю протестантскую общину Киргизстана потрясло заявление высокопоставленного силовика, который поставил в один ряд исламских радикалов и протестантов как «экстремистов». Между тем, евангелисты никогда не были причастны ни к терактам, ни к гражданским волнениям, ни к тяжким уголовным преступлениям. Они очень законопослушны (автор занимался изучением их работы в Киргизстане более десяти лет, с 1995 по 2007 гг., и знает предмет).

Таблица 1

Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index)

	2012	2013	2014
Казахстан	133 / 174	140 / 177	127 / 175
Киргизстан	154 / 174	150 / 177	136 / 175
Таджикистан	157 / 174	154 / 177	152 / 175
Туркменистан	170 / 174	168 / 177	169 / 175
Узбекистан	170 / 174	168 / 177	166 / 175

Понятно, что многие эксперты выразили сомнения насчет эффективности закона в плане борьбы с исламским экстремизмом, подчеркнув в то же время, что он заставит часть организаций религиозных меньшинств действовать нелегально. Вот, например, оценка А. Шумилина: «Практика показывает, что экстремистские организации не нуждаются в государственной регистрации». И в самом деле, «ХуТ», например, вообще не приемлет светских законов, считает все нынешние правительства мира «шайтанскими». Недаром же ни одна экстремистская группа не высказала своего отношения к законопроекту.

Неудивительно, что принятие нового закона не привело к успехам в борьбе с религиозным экстремизмом. Напротив, ситуация только ухудшалась. Уже в декабре 2009 г. директор Госкомиссии по делам религий К. Осмоналиев впервые официально заявил, что число сторонников радикальных религиозных организаций за предыдущие пять лет увеличилось в десять раз и составляет более 50 тысяч человек, в том числе за счёт молодёжи титульной нации, чего ранее почти не было (*Калишевский* 2014).

Впрочем, среди приверженцев радикального ислама по-прежнему преобладают узбеки, которые в Джалал-Абадской области составляют до 40% населения, в Ошской — до 60%, а в ряде приграничных районов — до 90%. При этом многие узбеки религиозны и малообразованны (*Асламова* 2017).

Во второй половине 2000-х гг. рост радикального ислама усилился в связи с процессом «перетока населения с юга на север» — с Юга Киргизстана на Север, из Киргизстана — в Казахстан и Россию, в Киргизстан, Казахстан и Россию — из Узбекистана и Таджикистана. Об этом процессе я много писал и говорил, как в целом (*Ситнянский* 2011: 34–43), так и применительно к Киргизстану (*Ситнянский* 2008), добавлю только, что уже с 2004 г. исламские радикалы, например, из «ХуТ», ранее замеченные только на Юге, начали активно действовать в Иссык-Кульской и Чуйской областях.

После смены власти в 2010 г. радикальный ислам ещё быстрее «пополз» с юга на север — увеличение выявленных попыток возбуждения межконфессиональной вражды на севере республики прямо указывало на это. В 2011 г. количество задержаний и возбуждений уголовных дел за религиозно-экстремистскую деятельность выросло в полтора–два раза по сравнению с 2010 г. (*Калишевский* 2014). Впрочем, тут, возможно, сказалось то, что более активно, чем при уроженце Юга Бакиеве, стали с этим бороться.

Поэтому в Киргизстане необходимо создавать свою систему религиозного образования, а не зависеть от зарубежных центров. Те, кто едет в другие страны, должны получать базовое исламское образование в своей стране как прививку от вируса. Так, сейчас в школы с 9 класса вводится курс (пока в виде пилотного проекта) истории религиозной культуры, чтобы подростки не были уязвимы для религиозной пропаганды.

Но нужны кадры. С 2008 г. традиционное духовенство поднимает вопрос подготовки кадров, требует создать национальную теологическую школу (*Иващенко* 2018). Между тем, выпускники исламских вузов и медресе не востребованы государством. Хотя ДУМК разработало единую программу обучения, но этот стандарт не действует.

Стоит отметить, что с организациями христианского толка ситуация намного лучше. Многие теологические колледжи, церковно-приходские школы получили лицензии Минобразования, согласившись с требованием включить в программу общеобразовательные дисциплины (*Радикальные верующие* 2018). Можно по-разному относиться к протестантам, но их проповедь среди народов, у которых ислам пока слаб — ещё одна серьёзная альтернатива радикальному исламу. Конечно, с точки зрения интересов Рос-

сии было бы лучше, если бы там активно работала РПЦ, но она этого не делает, более того, запрещает священникам вести проповедь среди коренного населения, ссылаясь на «отсутствие традиций миссионерской работы». Но это — отдельная тема.

Отмечу ещё один аспект, потенциально способный сдержать распространение радикального ислама. Гульзат Баялиева (Тюбингенский университет, Германия), полагая, что влияние консервативно настроенных людей в Киргизстане, несомненно, растёт, подчёркивает при этом, что консервативные группировки неоднородны: есть «группы сторонников традиционалистского возрождения, что является взаимодействием религиозной и национальной идентичности в стране», «чи ценности основаны на «чистом» кыргызском образе жизни» (мне ещё в 1997 г. приходилось слышать, например, о секте последователей «культы Манаса» в Таласской области Киргизстана — Г. С.). А есть и такие, чи ценности основаны на исламе. При этом она отмечает, что «внутри консервативных групп кипит конфликт» (Центральноазиатский 2021), который, надо полагать, тоже сдерживают распространение радикально-исламских настроений.

В целом ситуация с распространением радикального ислама в Киргизстане представляется очень сложной, но не безнадёжной. При принятии надлежащих мер, к которым можно отнести создание собственной системы исламского религиозного образования, пересмотр отношения к так называемым «нетрадиционным» конфессиям, активизацию РПЦ, налаживание контактов со сторонниками «традиционалистского возрождения», ужесточение контроля за притоком населения из более южных государств, а главное, при улучшении социально-экономической обстановки (где вроде бы наметились в последнее время перемены к лучшему) процесс радикализации киргизстанского ислама представляется возможным остановить.

Источники и материалы

- Асламова 2017 — Асламова Д. Ислам в Киргизии становится всё более радикальным и поглощает всю страну // Русское агентство новостей. 23 сентября 2017. <http://xn---8sbeybxidibygm.ru-an.info> (дата обращения: 21.04.2023).
- В Киргизии 2017 — В Киргизии запретили исламское течение «Йакын инкар» // Asia Terra. 20 июля 2017. <https://www.asiaterra.info/news/v-kirgizii-zapretili-islamskoe-techenie-jakyn-inkar> (дата обращения: 16.05.2023).
- В Киргизии 2023 — В Киргизии выявили «женское крыло» террористической организации «Хизб ут-Тахрир» // Интерфакс. 15 марта 2023. <https://www.interfax.ru/world/891187> (дата обращения: 14.04.2023).
- Гальдини 2015 — Гальдини Ф. Ислам в Киргизии: рост разнообразия // ИноСМИ. 24 октября 2015. <https://inosmi.ru/20151024/230996374.html> (дата обращения: 21.04.2023).
- Иващенко 2018 — Иващенко Е. Исламизация Киргизии идёт бесконтрольно и стремительными темпами: эксперты // EurAsia Daily. — 9 августа 2018. <https://eadaily.com/ru/news/2018/08/09/islamizaciya-kirgizii-idet-beskontrolno-i-stremitelnymi-tempami-eksperty> (дата обращения: 20.04.2023).
- Йакын Инкар 2016 — Йакын Инкар: новые миссионеры ислама в Киргизии // AsiaTerra. 5 апреля 2016. <http://m.asiaterra.info/ekstremizm/jakyn-inkar-novye-missionery-islama-v-kirgizii> (дата обращения: 27.04.2023).
- Казанцев 2016 — Казанцев А. Центральная Азия, светская государственность перед вызовом радикального ислама // Россия в глобальной политике. 1 февраля 2016. <https://globalaffairs.ru/articles/czentrálnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama/> (дата обращения: 27.04.2023).
- Калишевский 2014 — Калишевский М. Кыргызстан: «исламизация» необратима? // Фергана.ру. 27 января 2014. <https://www.fergananews.com/articles/8029> (дата обращения: 21.04.2023).

- Короткова 2022 — Короткова Е. В Кыргызстане повторно задержали лидера запрещённой экстремистской организации // Московский комсомолец. 24 мая 2022.
- Радикальные верующие 2018 — Радикальные верующие. Почему в Кыргызстане их становится всё больше // 24.kg. 22 августа 2018. https://24.kg/obschestvo/93956_radikalnye_veruyushchie_pochemu_vnbspkirgyzstane_ihnbspstanovitsya_vse_bolshe/ (дата обращения: 27.04.2023).
- Радикальный ислам 2010 — Радикальный ислам в ЦА. Разница в подходах // Караван. 26 января 2010. <https://www.caravan.kz/articles/radikalnyjj-islam-v-ca-raznica-v-podkhodakh-372227/> (дата обращения: 27.04.2023).
- Радикальный ислам 2014 — Радикальный ислам ползёт по Киргизии // Turkish forum. 2 июля 2014. <https://www.turkishnews.com/ru/content/2014/07/02/> (дата обращения: 27.04.2023).
- Самойлов 2021 — Самойлов Е. Радикальный ислам в Кыргызстане // Snob.kg. 26 марта 2021. <https://www.snob.kg/labirint/item/1816-radikalnyj-islam-v-kyrgyzstane> (дата обращения: 25.04.2023).
- Сапрынская 2021 — Сапрынская Д. В. Кыргызстан под угрозой исламизации: исламская идентичность перебивает гражданскую? // ИАЦ. 15 февраля 2021. <https://ia-centr.ru/experts/darya-saprynskaya/kyrgyzstan-pod-ugrozoy-islamizatsii-islamskaya-identichnost-perebivaet-grazhdanskuyu/> (дата обращения: 20.04.2023).
- Сейидов 2017 — Сейидов А. Вперёд, к победе исламизма! // Lenta.ru. 12 января 2017. https://lenta.ru/articles/2017/01/12/central_asia/ (дата обращения: 20.04.2023).
- Синько 2016 — Синько В. Радикальный ислам в Киргизии. Как бы не было поздно... // Центр Льва Гумилёва. 12 августа 2016. <https://www.gumilev-center.ru/radikalnyjj-islam-v-kirgizii-kak-by-ne-bylo-pozdno/> (дата обращения: 25.04.2023).
- Сотни молодых 2011 — Сотни молодых кыргызстанцев переправлены в лагеря подготовки боевиков на территории Афганистана и Пакистана // ИА Kazakhstan Today. 2011. 1 февр. http://www.kt.kz/rus/community/sotni_molodih_kirgizstancsev_perepravleni_v_lagerja_podgotovki_boevikov_na_territorii_afganistana_i_pakistana_1153531972.html (дата обращения: 2.05.2023).
- Старую центральную 2022 — Старую центральную мечеть Бишкека снесут // Bishkek.kg. Сайт города Бишкек. 26 мая 2022. <https://www.bishkek.kg/news/3396084/staruu-centralnuu-mecet-biskeka-snesut> (дата обращения: 16.05.2023).
- Хизб ут-Тахрир 2023 — Хизб ут-Тахрир — исламская партия или секта заблудших? // Islam Today. [Электронный ресурс]. https://m.islam-today.ru/islam_v_mire/hizbut-tahrir-islamskaa-partia-ili-sekta-zabludsih/ (дата обращения: 14.04.2023).
- Центральноазиатский 2021 — Центральноазиатский неоконсерватизм: нац. идентичность, гражданские свободы, вызовы в защите прав женщин и меньшинств // CABAR.asia. 29.03.2021. [Электронный ресурс]. <https://cabar.asia/ru/tsentralnoaziatskij-neo-konservativizm-nats-identichnost-grazhdanskie-svobody-vyzovy-v-zashhite-prav-zhenshhin-i-menshinstv> (дата обращения: 3.07.2023).
- Что известно 2015 — Что известно о террористической группировке «Хизб ут-Тахрир»? // Аргументы и факты. 21 октября 2015. https://aif.ru/dontknows/actual/chto_izvestno_o_terroristicheskoy_gruppirovke_hizb_ut-tahrir (дата обращения: 14.04.2023).
- Шустов 2010 — Шустов А. Радикальный ислам наступает // Международная жизнь. 26 ноября 2010. <http://interaffairs.ru/read.php?item=485> (дата обращения: 2.05.2023).
- Corruption Perceptions Index — Corruption Perceptions Index. <https://www.transparency.org/research/cpi/overview> (дата обращения: 28.04.2023).
- Lister 2015 — Lister Ch. Returning Foreign Fighters: Criminalization or Integration? // Brookings Institutio. 13.08.2015. http://www.brookings.edu/~media/research/files/pa_pers/2015/08/13-foreign-fighters-lister/en-fighters-web.pdf (дата обращения: 26.04.2023).
- U.S. Department 2004 — U.S. Department of State, Country Reports on Terrorism 2004. <https://www.state.gov/404> (дата обращения: 14.04.2023).

Научная литература

- Бабаджанов Б. О деятельности «Хизб-ут-Тахрир аль-ислами» в Узбекистане // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 153–169.
- Ботобеков У. Внедрение идей партии «Хизб-ут-Тахрир ал-ислами» на юге Киргизии // Ис-

- лам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. Алексея Малашенко и Марты Брилл Олкотт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 129–152.
- Егоров Н. Е. Хизбут Тахрир на Западе: идеология и специфика деятельности // *Исламоведение*. 2017. Т. 8. № 2 (32). С. 28–36. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2017-8-2-28-36>
- Моисеев С. В., Тяпкин М. О. История происхождения и деятельности экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир»: учебно-методическое пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2013. 32 с.
- Мухаббатов К. М. Социально-политические факторы образования религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир» и её реакционная сущность. Дисс.... канд. полит. наук. Душанбе, 2004. 174 с.
- Ситнянский Г. Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // *Kyrgyznews*. 17 марта 2008 г. <http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058>
- Ситнянский Г. Ю. Откуда исходит угроза единству России // *Азия и Африка сегодня*. 1997. № 12. С. 36–39.
- Ситнянский Г. Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь?: межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: ИЭА РАН, 2011. 200 с.
- Сыроежкин К. Л. (ред.). Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алма-Ата: КИСИ при Президенте РК, 2011. 456 с.

References

- Babadzhanov, B. 2001. O deiatel'nosti "Khizb-ut-Takhrir al'-islami" v Uzbekistane [About the Activities of «Hizb-ut-Tahrir al-Islami» in Uzbekistan]. In *Islam na postovetskom prostranstve: vzglyad iznutri* [Islam in the Post-Soviet Space: An Inside Look], ed. by A. Malashenko and M. B. Olcott. Moscow: Art-Biznes-Tsentr. 153–169.
- Botobekov, U. 2001. Vnedrenie idei partii "Hizb-ut-Tahrir al'-islami" na yuge Kirgizii [The Introduction of the Ideas of the «Hizb-ut-Tahrir al-Islami» Party in the South of Kyrgyzstan]. In *Islam na postsovetskom prostranstve: vzglyad iznutri* [Islam in the Post-Soviet Space: The Inside Look], ed. by A. Malashenko and M. B. Olcott. Moscow: Art-Biznes-Tsentr. 129–152.
- Egorov, N. E. 2017. Hizbut Tahrir na Zapade: ideologiya i spetsifika deyatel'nosti [Hizbut Tahrir in the West: Ideology and Specifics of Activity]. *Islamovedenie* 8(2–32): 28–36. <https://doi.org/10.2177/2077-8155-2017-8-2-28-36>
- Moiseev, S. V., and M. O. Tiapkin. 2013. *Istoriia proiskhozhdeniia i deiatel'nosti ekstremistskoi organizatsii "Khizb-ut-Takhrir": uchebno-metodicheskoe posobie* [The History of the Origin and Activities of the Extremist Organization Hizb-ut-Tahrir: An Educational and Methodological Guide]. Barnaul: Barnaulskii yuridicheskii institut MVD Rossii. 32 p.
- Mukhabbatov, K. M. 2004. *Sotsial'no-politicheskie faktory obrazovaniia religiozno-politicheskoi organizatsii "Khizb-ut-Takhrir" i ee reaktionnaia sushchnost'* [Socio-political Factors of the Formation of the Religious and Political Organization "Hizb-ut-Tahrir" and its Reactionary Nature]. Ph.D. diss., Dushanbe. 174 p.
- Sitnyanskiy, G. Yu. 2008. Kosovskiy variant dlya yuga Kirgizstana? [Is there a Kosovo option for the south of Kyrgyzstan?]. *Kyrgyznews* 17 of March. <http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058>
- Sitnyanskiy, G. Yu. 1997. Otkuda ishodit ugroza edinstvu Rossii [Where Does the Threat to the Unity of Russia Come From]. *Aziya I Afrika segodnya* 12: 36–39.
- Sitnyanskiy, G. Yu. 2011. *Rossiya I Tsentral'naya Aziya: vmeste ili vroz'?: Mezhetnicheskie otnosheniya v Srednej Azii i Kazahstane i Rossija* [Russia and Central Asia: Together or Apart?: Inter-ethnic Relations in Central Asia and Kazakhstan and Russia]. Moscow: IEA RAN, 2011. 200 p.
- Syroezhkin, K. L. (ed.). 2011. *Tsentral'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy* [Central Asia Today: Challenges and Threats]. Alma-Ata: KISI pri Prezidente RK. 456 p.